

*Посвящается светлой памяти
Юлия Моисеевича Глазмана (1911–2001),
Иосифа Осташевского (1945–2003),
Михаила Файнштейна (1948–2003),
подлинных представителей русско-еврейской
интеллигенции*

Жизнь каждого человека должна быть похожа на литературное произведение, независимо от того, закончилась ли она полностью или нет. Поэтому она может оборваться в любой момент, но тем не менее представлять собой поучительную, красивую и богатую по содержанию историю.

Из письма Л. Я. Штернберга И. П. Ювачеву

Лев Яковлевич был типичным представителем лучшей части русско-еврейской интеллигенции. На нем можно было видеть... сплав еврейской традиции, еврейской духовной жизни, общего просвещения и русской культуры. <...> В этом русском горячем патриоте, насквозь пропитанном лучшими свойствами русской культуры, так явственно вырисовывался иудей, со всеми свойствами чистого иудаизма, столь тесно сплетенного с истинным всечеловеческим мессианизмом.

Г. Б. Слиозберг. Дела минувших дней

Предисловие редакторов серии «Критические исследования истории антропологии»

Поскольку серия «Критические исследования истории антропологии» выходит в Северной Америке, возникает опасность впасть в непреднамеренный эгоцентризм — и в результате международный взгляд на антропологию как науку будет представлен в серии недостаточно. С. Кан предлагает нам биографию Л. Я. Штернберга, антрополога, чья научная деятельность пришлась на поздние годы существования Российской империи и на начало советской эпохи. Кан обстоятельно описывает традиции российской этнографии, одновременно рассказывая о Штернберге как о социалисте и борце за права евреев — эта деятельность сильно осложняла его личную жизнь, однако она неотделима от его занятий антропологией. Вряд ли найдется другой ученый, который сумел бы, как Кан, рассказать эту историю во всей ее полноте. Он еврей, родился в России, прекрасно осведомлен в российской политике и истории, а кроме того, он этнограф — исследователь Северного Тихоокеанского региона (с североамериканской стороны). Данные касательно уникального ученого, который стал связующим звеном между исследованиями коренных народов Сибири, которыми занимались ссыльные этнографы (в их числе были В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон), и Джебуповской северотихоокеанской экспедицией Ф. Боаса, Кан собирал в тесном сотрудничестве со многими российскими учеными и архивами.

Западным антропологам Штернберг прежде всего известен как автор доклада «Богоизбранность у первобытных народов» — он был выполнен с эволюционно-компаративистских позиций и прочитан в 1925 году на XXI Международном конгрессе американистов. С середины 1930-х до середины 1980-х годов доступ к работам, написанным в этой традиции, по большей части в Ленинградском государственном университете, был для западных ученых почти полностью закрыт. Кан воссоздает как суть, так и контекст в значительной степени забытого профессионального наследия Штернберга и ленинградской школы.

Кан чрезвычайно отчетливо показывает, как в разные периоды деятельности Штернберга воспринимали антропологию и тех, кто ею занимался. Он набрасывает портреты современников Льва Яковлевича, большинство из которых мало известны на Западе, а то и не известны вовсе.

В период, когда исследование национальных меньшинств перемещалось из музеев в советские университеты, Штернберг боролся, подчас чрезвычайно эффективно, за выживание своей дисциплины и при этом продолжал поддерживать тесные связи с коллегами за пределами России и СССР. Он был не только крупным ученым, но и прекрасным организатором.

Биография Кана — книга о «жизни и времени», в нее вошли «жизнеописания» многих организаций, с которыми Штернберг был так или иначе связан, а также очерк политики отличных от большевиков социалистов-демократов. Штернберг активно сотрудничал с антропологами по всему миру, и Кан подробно разъясняет самые разные контексты — национально-антропологические, международно-антропологические, политические и еврейские, — в которых оказался задействован герой его книги.

Среди несогласных с режимом социалистов в бурную эпоху начала XX века было много подобных Штернбергу евреев, которые проявляли одновременно и научный, и личный интерес к еврейской интеллектуальной и религиозной традиции. Штернберг пытался защищать своих коллег и протезе от превратностей внутренней и международной политики; он был одной из центральных фигур в изучении культуры российских евреев — эти

исследования пережили краткий расцвет в первое послереволюционное десятилетие, которое стало последним десятилетием жизни Штернберга.

В книге в подробностях рассказано о становлении антропологии как отрасли науки вне англо-американской и французской традиций. Хотя значительная часть антропологических исследований производилась за пределами этих центров, из уже существующих трудов по истории антропологии это видно далеко не всегда. Портрет, созданный Каном, напрашивается на сравнения. Как и в Северной Америке, только что зародившаяся в России антропология (здесь ее называли этнографией) занималась в основном небольшими коренными народностями, существующими в рамках национального государства и не подвергшимися ассимиляции (в разной степени, в зависимости от периода) в связи с географической и культурной изоляцией. Многие исследования российских «малых народов Севера» были инициированы политическими ссыльными, по большей части — интеллигентами с опытом публичной деятельности, и именно их деятельность обусловила особенности российской национальной традиции. Что касается Штернберга, он занимался изучением гиляков, которых теперь называют нивхами, а также других народностей Восточной Сибири (дельты реки Амур) и Сахалина, в том числе и айнов.

Регна Дарнелл, Стивен Мюррей

Слова благодарности

Многие коллеги и друзья оказали мне помощь и поддержку, и мне хотелось бы выразить им свою сердечную благодарность. Прежде всего я благодарю моих наставников из Чикагского университета — Раймонда Фогельсона и Джорджа Стокинга. Именно на семинаре Стокинга, сорок пять лет назад, я приступил к изучению биографии и научного наследия Штернберга. Отдельное спасибо моему коллеге и другу Игорю Крупнику, который всеми силами поддерживал мое решение воплотить этот замысел в жизнь, следил за ходом работы от начала до конца и никогда не оставлял меня своей помощью и советом. Собственно, всерьез я взялся за эту работу в начале 1990-х, когда Крупник и Уильям Фицхью начали проект «Джезуп-II». Еще одним толчком стала публикация в 1999 году на английском языке рукописи Штернберга «Социальная организация гияяков», подготовленная Брюсом Грантом [Кап 2000; Кап 2001а]. Наконец, параллельно со мной тот же материал исследовали Владислав Латышев, Татьяна Роон, Михаил Прокофьев и другие сотрудники Южно-Сахалинского регионального музея, готовившие издание работ Штернберга, Бронислава Пилсудского и других этнологов той эпохи [Роон, Прокофьев 2001; Латышев 2005], — это тоже подстегнуло мою работу.

Среди других коллег, которые прочитали и прокомментировали отдельные части рукописи или основанные на ней статьи, — Матти Банзл, Николай Вахтин, Джеффри Ведлингер, Харви Голдберг, Сергей Глебов, Регна Дарнелл, Андрей Знаменский, Саймон Рабинович, Петра Ретман, Джордж Стокинг, Кристиан Феест, Уильям Фицхью, Дебора Ялен.

Исследования архивных материалов, на которых строится эта книга, стали возможны лишь благодаря помощи и советам покойного Михаила Файнштейна, заместителя директора Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Он помог мне не только просмотреть и скопировать огромное количество документов из этого собрания, но и выявить относящиеся к делу материалы в ряде других хранилищ Санкт-Петербурга. Кроме того, он предложил очень точную интерпретацию нескольких ключевых событий, описанных в этой книге. Мишина безвременная кончина в 2003 году стала невосполнимой утратой не только для его родных и друзей, но и для ученых, которые занимались научной работой в Санкт-Петербурге. Хочу выразить отдельную благодарность сотрудникам Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук, которые неизменно помогали мне по ходу двух визитов туда. Позднее моя неутомимая и очень профессиональная ассистентка Людмила Ковальчук из Петербурга просмотрела материалы в еще нескольких архивах. Благодаря ее усилиям и профессиональной зоркости удалось выявить новые факты, связанные с историей этнографического образования в Ленинграде и с ролью Штернберга в его развитии.

Многие коллеги из России, Украины, Израиля и США помогли мне с поисками дополнительных документов, фотографий и публикаций. Это Николай Вахтин, Рафаил Шоломович Ганелин, Брюс Грант, Виктор Ефимович Кельнер, Саймон Коган, Владислав Михайлович Латышев, Кристер Линдберг, Беньямин Лукин, Ефим Меламед, Саймон Рабинович, Александр Михайлович Решетов, Татьяна Роон, Ирина Сергеева, Вивиан Сполянски и Дебора Ялен. Я хочу выразить отдельную благодарность моему (ныне покойному) отцу Александру Кану и моему другу Бетти Лауэр за перевод материалов с немецкого, польского и шведского языков. В Петербурге меня тепло принимали у себя Лариса и Виктор Новиковы, а также Анна и Никита Масленниковы. Мои коллеги из Дартмута, особенно Кирк Эндикотт, Кеннет Кори и Роберт Уэлш, подбадривали меня на долгом пути к финишной прямой.

Покрыть расходы на проведение исследований помогли несколько учреждений. Среди них — Национальный фонд гуманитарных наук (National Endowment for the Humanities), Американский совет научных обществ (American Council of Learned Societies), Международный совет по научным исследованиям и обмену (International Research and Exchanges Board), Центр Нельсона Рокфеллера Дартмутского колледжа (Nelson A. Rockefeller Center at Dartmouth College), Фонд Клэр Гарбер Гудман при кафедре антропологии Дартмутского колледжа (Claire Garber Goodman Fund of Dartmouth's Department of Anthropology). Кроме того, хочу поблагодарить редактора Кристофера Стейнке за тщательную и вдумчивую работу с рукописью и замечательного переводчика этой работы на русский язык Александру Глебовскую.

И наконец, хочу выразить глубочайшую признательность всей своей семье за неизменную любовь и поддержку. Американский вариант этой книги был написан и напечатан при жизни моей дорогой мамы Елены Сергеевны Себеки-Панкратовой (1931–2022). Книга эта ей понравилась, и она мечтала увидеть новый вариант на русском языке. К моему глубокому сожалению, теперь этого не произойдет, но я думаю, что она порадуетя вместе со мной из мира иного.

Предисловие¹

Меня часто спрашивают, почему после двадцати лет исследования культуры и истории тлинкитов — народа, проживающего на Аляске, — я решил написать научную биографию русского этнографа, жившего век тому назад. На этот вопрос можно дать несколько ответов. Начнем с того, что еще в те времена, когда я, будучи студентом, прослушал в Чикагском университете курс Стокинга по истории англо-американской антропологии и написал работу о научном наследии Штернберга, у меня пробудился интерес к истории моей научной дисциплины. Собственно говоря, речь о различных аспектах истории североамериканской и русской антропологии идет в целом ряде моих статей и изданных мною сборников². Но главное — мне, как русскоязычному антропологу, получившему образование в Америке, всегда хотелось познакомить англоязычных читателей с чрезвычайно интересной и подчас трагической историей русско-советской антропологии. Как указали в своей работе Р. Дарнелл и Ф. Глич, «хотя число книг и статей по истории антропологии в последнее десятилетие значительно выросло, в большинстве из них по-прежнему используется модель центрального места», то есть речь в них идет о развитии антропологии в известных центрах США и Великобритании (Колумбийский университет, Вашингтон, Лондон) и в несколько меньшей степени — во Франции и Германии (Париж

¹ Читатель должен учесть, что эта книга была написана примерно пятнадцать лет назад, и потому содержащаяся в ней критика работ российских антропологов относится только к публикациям, вышедшим до 2009 года.

² См. [Kamenskii 1985; Kan 1990; Kan 2000; Kan 2001a; Kan 2001b; Кан 2003; Кан 2004; Кан 2006; Кан 2007в; Kan, Strong 2006; Кан 2008; Арзютов, Кан 2013].

и Берлин) [Darnell, Gleach 2005: VII–VIII]. Я полностью с ними согласен в том смысле, что подобный подход действительно ущербен, ибо история антропологии должна включать в себя «самых разных ученых; самые разные национальные, теоретические и методологические подходы; самые разные смежные дисциплины, способы их слияния и пересечения» [Ibid.].

Одна из национальных традиций, а именно русская, до настоящего момента, по сути, оставалась вне поля зрения западных исследователей. Языковой барьер — лишь одна из причин этого упущения. Не менее принципиальным моментом является интеллектуальный разрыв между российской и западной антропологией, который существовал с начала 1930-х до середины 1980-х годов. Западные антропологи были плохо знакомы с деятельностью своих коллег в СССР, а те вынуждены были изучать историю своей собственной научной дисциплины в жестких рамках марксизма и русского ура-патриотизма [Токарев 1966; Gellner 1980; Koester, Kan 1982]. Кроме того, доступ к большинству основных архивов на протяжении десятилетий был ограничен или закрыт как для западных, так и для многих местных исследователей. Однако в годы перестройки и в нынешний постсоветский период на английском языке вышло довольно много работ по истории российской антропологии. Труды эти написаны как российскими, так и западными исследователями, и речь там в основном идет о сталинской и послесталинской эпохах, при этом очень слабо освещены дореволюционный и раннесоветский периоды, хотя именно тогда и были заложены основы российской антропологии XX века [Gellner 1988; Slezkine 1991; Tishkov 1992; Тишков, Тумаркин 2004].

Более того, даже в постсоветскую эпоху в подходах российских и западных исследователей к истории русской культурной антропологии (этнографии) сохранились существенные различия³.

³ До последнего десятилетия русские антропологи предпочитали использовать термин «этнография» применительно к тому, что их западные коллеги называют «культурной антропологией» или «этнологией». В этой работе по большей части используется термин, которым пользовались современники Штернберга и его советские преемники.

На Западе в этой области работают в основном историки, которые рассматривают предмет в более широком контексте российской политической, социальной и интеллектуальной истории⁴. Большинство новых работ в России написаны антропологами. Эти исследования — за удивительно редкими исключениями — не содержат критического разбора научного наследия русско-советских антропологов. Большинство современных работ на эту тему, выходящих в России, являются сугубо описательными и следуют советской агиографической традиции, несмотря на то что идеологического давления больше не существует⁵. Многие публикации по истории советской этнологии написаны авторами, которые сформировались в советские годы и не склонны критиковать бывших учителей и коллег⁶. Особенно огорчает то, что в два последних сборника статей, посвященных биографиям советских этнографов, которые подверглись репрессиям со стороны советской власти, вошло несколько работ, посвященных деятелям науки, которые немало содействовали не только профессиональному краху, но и физическому уничтожению своих коллег — а впоследствии и сами были репрессированы [Тумаркин 2002–2003]⁷. Наконец, пока не опубликовано ни одной монографии по истории этнографии в предреволюционные и раннесоветские годы⁸.

Помимо почти полного отсутствия фундаментальных работ по истории российской антропологии, не существует полномас-

⁴ См. [Slezkine 1991; Slezkine 1992; Clay 1995; Knight 2000; Geraci 2000; Geraci 2001; Hirsch 2005].

⁵ Несколькими исключениями служат статьи представителей младшего поколения российских этнологов, напр., [Артемова 2003; Михайлова 2004].

⁶ Напр., [Козлов 2003; Тишков, Тумаркин 2004].

⁷ Ср. [Knight 2000].

⁸ Единственные исключения — монография российского этнографа Т. Д. Соловей [Соловей 1998] и работа американского историка Ф. Хирш [Hirsch 2005]. Однако они преимущественно пишут об истории советской этнографии в сталинскую эпоху. Кроме того, в книге Хирш речь в основном идет о том, как Советское государство использовало этнографические материалы для проведения этнических и административных границ внутри страны.

штабных биографий российских и советских этнографов, за исключением Н. Н. Миклухо-Маклая (1846–1888). Он был одним из первых исследователей Новой Гвинеи, этнографом-любителем с довольно неоднозначной репутацией, однако давно возведен в российской науке в статус кумира⁹. В результате никто из его российских биографов даже не пытался критически подойти к исследованию его биографии и наследия¹⁰.

Это существенное упущение, поскольку «биографии занимают в критической истории антропологии особое место» [Darnell, Murray 2004: XI]. Разумеется, это наблюдение справедливо применительно к истории любой научной дисциплины. Однако особый статус антропологии заключается в том, что в ней «одним из предметов изучения издавна остается воздействие культуры на человеческую личность» [Ibid.]. Как показал 40 лет назад И. Хэллоуэлл, изучение истории антропологии является в определенном смысле антропологической задачей [Hallowell 1965]. Внимательно исследуя историю жизни того или иного ученого, специалист по истории антропологии неизменно демонстрирует взаимосвязь между его или ее этнографическими штудиями и теорией этнографии, с одной стороны, и между его или ее происхождением, политическими взглядами и мировоззрением — с другой. Это замечание прежде всего относится к тем, кто не ограничивался одними лишь научными занятиями, — к тем, кого можно назвать интеллигентами-общественниками. Среди все увеличивающегося числа биографий западных антропологов есть несколько, где речь идет именно о таких ученых. В их числе — статьи Стокинга о жизни и деятельности Ф. Боаса, С. Такса и И. Хэллоуэлла [Stocking 1992; Stocking 2000; Stocking 2004], а также полномасштабные биографии Э. Флетчер, Р. Ландес, М. Херсковица, Л. Уайта, Д. де Ангуло и М. Мосса [Mark 1988; Cole 2003; Gershenhorn 2004; Peace 2004; Leeds-Hurwitz 2004; Fournier 2006]. Вот что пишет о Боасе Стокинг:

⁹ Не случайно ведущий Российский этнографический научно-исследовательский институт носит имя Миклухо-Маклая.

¹⁰ См., напр., [Путилов 1985].

С момента, когда он вступил на научное поприще в бисмарковской Германии, и до самой его смерти в разгар вооруженной борьбы с германским нацизмом, антропологическая деятельность Франца Боаса протекала в определенной политической обстановке, и большую часть этого времени он использовал свои познания для того, чтобы эту обстановку изменять. Рассмотрев взаимоотношения науки и общества в работах Боаса, можно привязать понимание его жизни и деятельности к конкретным историческим контекстам [Stocking 1992: 24].

Еще сильнее, чем Боас, интересовался политикой отец французской этнологии М. Мосс. Как указывает его биограф, Мосс еще студентом принимал активное участие в политической деятельности и на протяжении всей своей жизни состоял в рядах различных социалистических организаций и партий [Fournier 2006: 4]. Его программная работа «Дар» [Mauss 1967]

...свидетельствует не только об интересах в области истории религии и в этнологии, но и о воззрениях вовлеченного в политику интеллектуала. Будучи социологом, этнологом, еврейским активистом и сторонником социализма, Мосс ощущал всю неоднозначность своего положения и своей среды [Fournier 2006: 4].

В данной книге жизнь и деятельность Льва Яковлевича Штернберга (1861–1927), ведущего представителя позднемосковской и раннесоветской антропологии, рассматриваются с опорой на опыт этих исследователей. Как и некоторые другие народники, которые были арестованы за свою революционную деятельность и сосланы в Сибирь, Штернберг проводил этнографические исследования среди коренных жителей, рядом с которыми вынужден был обитать. Однако, в отличие от большинства подобных этнографов, он в своих занятиях этнологией не ограничивался одной лишь описательностью, они зиждились на теоретической базе. По возвращении из ссылки в конце 1890-х годов Штернберг стал сотрудником Санкт-Петербургского Музея антропологии и этнографии (МАЭ), где проработал всю оставшуюся жизнь.

В последние два десятилетия существования Российской империи он не только играл ключевую роль в модернизации этого музея, но и посвящал изрядную часть времени и сил распространению этнографических знаний — через научные публикации, статьи в энциклопедиях и преподавание (по большей части неформальное). После 1917 года он наконец-то получил штатную должность в высшем учебном заведении и стал (наряду со своим другом, коллегой и единомышленником-народником В. Г. Богоразом) основателем так называемой ленинградской школы советской этнографии, в рамках которой было воспитано целое поколение исследователей-полевиков.

Помимо этого, Лев Яковлевич был видным левым публицистом и прогрессивным еврейским деятелем. И действительно, невозможно оценить его научные воззрения, не принимая в расчет его народнической идеологии и откровенно филосемитских убеждений. Два этих поприща не только существенным образом влияли на его взгляды, они этим взглядам противоречили и подрывали их изнутри. Так, например, свойственное народникам восхищение социальной организацией докапиталистических обществ и твердая вера в уникальность иудаизма как нравственно-философской системы шли вразрез с классическим эволюционизмом XIX века, который исповедовал Штернберг.

Поскольку Штернберг сыграл ключевую роль в развитии культурной антропологии в поздний период существования Российской империи и в особенности — в раннесоветскую эпоху, жизнь его также может служить «окном» в важный этап истории этой дисциплины в стране, переживавшей период едва ли не самых радикальных потрясений и изменений в истории современной Европы. Некоторые ключевые вопросы, рассмотренные в данной книге, это «независимое открытие» российскими политическими ссыльными, ставшими этнографами, важности полевой работы за два десятилетия до Б. Малиновского; исторические причины того, почему эволюционизм просуществовал в России гораздо дольше, чем на Западе; различные причины относительно слабого развития этнологии в России в дореволюционный

период; стремительное становление советской этнографии в 1920-е годы и ее упадок в 1930-е.

Несмотря на то что Штернберг сыграл исключительно важную роль в истории российско-советской антропологии, до сих пор не существует подробного исследования его научной работы и его жизни в целом. После того как в конце 1920-х и начале 1930-х годов, вскоре после его смерти, был опубликован ряд статей, наступила долгая пауза, затянувшаяся до 1970-х, после чего вышло две статьи, посвященные вкладу Штернберга в музейную деятельность и в советское антропологическое образование [Станюкович 1971; Гаген-Торн 1971]. Одну из этих статей написала его бывшая студентка и горячая поклонница Н. И. Гаген-Торн, впоследствии ставшая автором биографии своего наставника [Гаген-Торн 1975]. Книга ее является ценнейшим источником биографических сведений, однако не лишена определенных недочетов. Гаген-Торн писала в брежневскую эпоху и уклонялась от обсуждения многих «идеологически неправильных» представлений и поступков; более того, речь идет о романизированной биографии с придуманными монологами и разговорами (см. главу девятую). В 1980-е годы, в период интеллектуальной и политической либерализации, в России появилась всего одна новая статья, посвященная основателю советской этнологии [Станюкович 1986].

Когда в постсоветский период западные антропологи наконец-то получили доступ в Россию, молодой американский исследователь Б. Грант сумел организовать экспедицию на Сахалин, где раньше работал Штернберг. В 1990-е годы Грант опубликовал несколько статей и книгу, где речь идет об экспедиционной работе Штернберга и его теоретических воззрениях [Grant 1995; Grant 1997; Grant 1999]. Грант первым подробно и весьма критически проанализировал эволюционистские взгляды российского ученого. В 1999 году он опубликовал аннотированное издание рукописи Льва Яковлевича о социальной организации гияльков (нивхов), которая была заказана Боасом для его Джемсуповской серии, но так и не увидела свет [Shternberg 1999; Kan 2000; Kan

2001a]. Предисловие Гранта и его комментарии содержат ценные биографические факты¹¹. Грант не только использовал опубликованные работы Штернберга, но и поработал с его рукописями, которые хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Однако Грант не учел некоторых ключевых аспектов российской и советской политической и интеллектуальной истории, а кроме того, у него возникли сложности с расшифровкой крайне неразборчивого почерка Штернберга — результатом стали многочисленные фактические ошибки и неточности, которые вкрались в его описание и анализ жизни и научной деятельности российского этнолога.

Только после того как в начале 2000-х годов вышла моя работа, посвященная жизни и деятельности Штернберга, его политические воззрения и деятельность, равно как и его вклад в развитие этнологического изучения российских евреев, наконец-то стали предметом подробного обсуждения в ряде американских и российских изданий¹². В процессе написания этой книги я задействовал весь корпус опубликованных работ Штернберга, а также подробно изучил его письма, дневники и рукописи, хранящиеся в нескольких архивах в Петербурге и США. Кроме того, я пользовался рядом рукописей из Фонда Богораза, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), а также в архивах трех учреждений, с которыми Штернберг сотрудничал на протяжении всей своей научной карьеры: это Музей антропологии и этнографии, Географический институт и географический факультет Санкт-Петербургского

¹¹ В частности, в книгу вошло интервью Гранта с одним из последних оставшихся в живых студентов Штернберга, З. Черняковым [Shternberg 1999: 245–255].

¹² См. [Кан 2000; Кан 2001a; Кан 2003; Кан 2004; Кан 2004; Кан 2006; Кан 2007в; Сирина, Роон 2004]. С начала 2000-х годов мои исследования жизни и деятельности Штернберга сильно обогатились за счет сотрудничества с российскими этнографами и историками, особенно с теми, кто работает на Сахалине. Некоторые из них в последнее время опубликовали (по-русски) собственные статьи о различных аспектах жизни и научной деятельности Штернберга. См., напр., [Сирина, Роон 2004].

государственного университета. Помимо этого я включил в книгу сведения из неопубликованных источников, которые хранятся еще в нескольких архивах Петербурга: Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и в нескольких других. Также в процессе работы над биографией мне пришлось подробно изучить историю революционных и либеральных политических партий в дореволюционной России, советскую политическую историю и историю еврейского освободительного движения в России. И наконец, поскольку мой герой поддерживал тесные научные связи с западными антропологами, а мне хотелось рассмотреть его работу в контексте общей антропологии, я пользовался некоторыми архивными материалами, связанными с историей американской, французской и шведской этнологии.

Глава 1

Ранние годы

Лев Яковлевич (при рождении — Хаим-Лейб или Хаим-Лев) Штернберг родился 21 апреля (4 мая по новому стилю) 1861 года; детство его прошло в Житомире, столице Волынской губернии, в центральной части Украины¹. Житомир, один из старейших городов губернии, когда-то находился в составе Великого княжества Литовского, а впоследствии Польши. К 1793 году, когда город перешел к Российской империи, в нем проживало достаточно большое число евреев и он был известен как один из центров хасидизма. В 1861 году евреи составляли свыше 13 тысяч из общего населения в 40 500 человек, а тридцать лет спустя в 70-тысячном городе было 24 тысячи евреев. Российское правительство считало город одним из юго-западных центров еврейской жизни и иудаизма. В середине XIX века только Житомиру и Вильно (Вильнюсу), еще одному крупному центру еврейской жизни и науки, было позволено иметь типографии с еврейскими литерами. Кроме того, в Житомире находилось одно из немногих казенных раввинских училищ в стране. Несмотря на достаточно значительное население, Житомир в 1860–1870-е годы оставался весьма провинциальным: до ближайшей железнодорожной станции было 55 километров.

¹ Основными источниками информации о ранних годах жизни Штернберга служат опубликованные воспоминания его лучшего друга Кроля [Кроль 1929; Кроль 1944] и несколько вариантов его неопубликованной биографии, составленной его женой С. Ратнер-Штернберг (1872–1942) после его смерти (СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 4. Д. 9; Ф. 282. Оп. 1. Д. 140; Ф. 282. Оп. 1. Д. 195. Л. 301–315).

Рис. 1. Лев Штернберг с родными. Около 1872–1873 года. На заднем плане слева направо: Лев, его отец с братом Аароном, сестра Льва Шпринца, мать Льва. На переднем плане: братья Льва Савелий и Давид. СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 194. Л. 20

Хаим-Лев был старшим сыном Янкеля-Мойше (Якова Моисеевича) Штернберга (1831 — ок. 1910), местного предпринимателя, дела у которого шли то лучше, то хуже. Я. Штернберг не был типичным российским провинциальным евреем середины XIX века. В годы правления Николая I, когда государство пыталось форсировать процесс ассимиляции евреев, привлекая их к сельскохозяйственному труду, он оказался в числе тех немногих, кто попробовал работать на земле. Хотя продлилось это недолго, Яков Моисеевич сохранил горячую привязанность к природе и животным, которую стремился передать и своим детям. Именно в связи с этим он в итоге переехал из еврейского района Житомира в более престижную часть города, где построил собственный домик с садом и огородом (на участке, который арендовал у еврейской общины). Каждое лето семья выезжала на дачу за городом, где дети могли купаться, кататься на лодке и гулять по окрестностям. Сыну Льву очень нравилось плавать

и совершать долгие прогулки — он во всей полноте перенял от отца привязанность к природе.

От большинства местных евреев Я. Штернберга отличало еще и другое. Он, судя по всему, лучше своих соседей владел русским, хотя первым его языком, безусловно, был идиш. Кроме того, он куда прогрессивнее многих других относился к образованию детей: когда сыновья окончили традиционную еврейскую начальную школу (хедер), он отдал их в местную русскую гимназию. При этом Я. Штернберг оставался уважаемым членом местной еврейской общины — он не только регулярно посещал синагогу, но и щедро жертвовал туда деньги, равно как и поддерживал благотворительные организации, например местную лечебницу (где, помимо прочего, являлся попечителем). В субботу и праздники за стол у Штернбергов, как правило, садилось большое число приглашенных сотрапезников, которых отец Льва, следуя традиции, приводил с улицы. Дети его унаследовали сострадательное отношение к обделенным и привычку помогать бедным. Когда Льву было всего шесть лет, мать однажды застала его в слезах и спросила, почему он плачет. Мальчик ответил: ему жалко служанку, которой приходится таскать тяжести на спине².

Мать Льва была куда набожнее мужа и придерживалась более традиционных взглядов. На единственной сохранившейся семейной фотографии Ента Вольфовна (?–1905) изображена в парике, какой полагалось носить религиозным еврейкам из зажиточных семей. Она, в отличие от мужа, говорила только на идише; более того, грамоту освоила лишь под старость, чтобы переписываться с сидевшим в тюрьме старшим сыном. Впечатленная тем, как хорошо мальчик учится в хедере, она мечтала, что он станет раввином или толкователем Талмуда. Если бы Я. Штернберг разделял взгляды жены, Лев, возможно, и пошел бы по этой стезе. Учебу он начал в пятилетнем возрасте и долгие часы проводил в хедере, где весьма преуспел в изучении Библии, Талмуда и других религиозных предметов. Много лет спустя он охотно

² СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 140. Л. 301.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru